

В. В. Мильков

**Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди
епископа Новгородского Луки Жидяты**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10001

Аннотация: Объектом исследования является синтез нравственных и политических установок в Поучении епископа Новгородского Луки Жидяты. В статье анализируются пункты нравственной программы произведения и ее источники. В содержании Поучения выявлен политический подтекст, облеченный в форму нравственных заповедей. Рассматриваются особенности текста в сравнении с другими произведениями жанра проповеди. Приводятся доказательства, что епископ адресовал свою проповедь не всем новгородцам, а только городской элите. Делается вывод о том, что в Новгороде еп. Лука Жидята действовал в интересах киевского князя Ярослава, а его нравственные наставления имели политически актуальную направленность.

Ключевые слова: Древняя Русь, епископ Новгородский Лука Жидята, древнейшее русское поучение, религиозно-философская мысль, нравственность и политика.

Об авторе: **Владимир Владимирович Мильков**

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
E-mail: dr_milkov@mail.ru

Ссылка на статью: Мильков В. В. Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди Луки Жидяты // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2019. № 1 (11). С. 6–27.

V. V. Milkov

**Political Element in the Moral-Religious Sermon
of Luka Zhidyata**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10001

Abstract: The object of research is the synthesis of moral and political attitudes in the Instructions of the Bishop of Novgorod Luka Zhidyata. The article analyzes the points of the moral program of the work and its sources. The content of the Instructions reveals political overtones, clothed in the form of moral precepts. The peculiarities of the text are considered in comparison with other works of the preaching genre. Evidence is given that the bishop addressed his sermon not to all Novgorodians, but only to the urban elite. It is concluded that in Novgorod bishop Luka Zhidyata acted in the interests of Prince Yaroslav of Kiev, and his moral instructions were politically relevant.

Keywords: Ancient Russia, Luka Zhidyata, the most ancient Russian teaching, religious and philosophical thought, moral and policy.

About the author: **Vladimir Vladimirovich Milkov**

Doctor in Philosophy, Leading Researcher of the Philosophy Institute of Russian Academy of Sciences.

E-mail: dr_milkov@mail.ru

Article link: Milkov V.V. Political Element in the Moral-Religious Sermon of Luka Zhidyata. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2019, No. 1 (11), p. 6–27.

Традиционно поучения духовных лиц относятся к жанру проповеди, соответственно, при анализе такого рода произведений только эта сторона содержания рассматривается и прорабатывается. Древнейший образец обращения с наставлениями к современникам — и вообще самый древний из оригинальных русских текстов — принадлежит перу новгородского епископа Луки. Этот текст заметно отличается от достаточно типовых пастырских поучений. В нем объем общеморальных требований весьма скромнен и не является главным проблемным ядром произведения. На первый план выдвинута озабоченность святителя не столько общим уровнем нравственного климата в Новгороде, сколько нарушающим общественное спокойствие возбужденно-озлобленным поведением горожан. Его Поучение наполнено установками на умиротворение и даже усмирение паствы, а это указывает на накал ситуации в обществе. Епископ Лука выделяет в этой связи целый букет неблагоприятных деяний новгородцев на почве вражды.

Обеспокоенность епископа обострением обстановки в социуме обязывает к поиску соотношения содержания Поучения с конкретными обстоятельствами новгородской истории, тем более что нравственные увещевания направлялись архиереем не столько на формирование идеально усредненного облика новокрещенных современников, сколько на слом нежелательных социально-поведенческих практик. Как будет показано далее, содержание Поучения по всем параметрам вписывалось в «злобу дня», и в нем под дисциплинарно-церковным предлогом решались задачи в интересах княжеской власти. Соответственно, в контексте реальных событий у рассуждений на тему нравственности появляется не просто исторический, а вполне определенный политический контекст.

По всем признакам Поучение еп. Луки было создано в самом начале пастырского служения архиерея в Новгороде¹. Напомним, в какой обстановке начиналось архиерейское служение Луки.

Лука Жидята² был прямым ставленником киевского князя Ярослава на новгородскую кафедру. В 1036 г. в главе новгородской Церкви его ставит своей властью специально прибывший для этого в северный русский город Ярослав, который в этом году, после смерти брата Мстислава, становится полноправным властителем всех русских земель: «перяя власть его всю Ярославъ. и быти самовластець Русьстеи земли»³. Назначение еп. Луки происходит одновременно с передачей Новгорода старшему сыну Владимиру и демонстративным отстранением Ефрема, которого назначил себе в преемники первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин, умерший в 1030 г.⁴ После смерти Иоакима Ефрем исполнял обязанности местоблюстителя епископской кафедры, но, как выразился летописец, тот «святительству не сподобился»⁵. Удалением Ефрема от дел управления Церковью была устранена фигура, вышедшая непосредственно из новгородской среды.

Настолование еп. Луки происходит в период, предшествовавший установлению юрисдикции Константинопольской патриархии⁶. Основание митрополии датируется

¹ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. Кн. II. М., 1995. С. 68; Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 119.

² Софийская летопись называет его Жириятю (Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 177). В свете споров о происхождении прозвища Луки такая корректировка не лишена оснований. Корневая основа **жи** присутствует в словах, связанных с обозначением функции жизни или с тем, что жизнь обеспечивало (Жолесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 73–75).

³ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 150.

⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 113.

⁵ ПСРЛ. Т. 3. М., 1963. С. 210.

⁶ В историографии делаются попытки связать свидетельство о переводе некоего Феофилакта из Севастии на митрополию России с обращением в христианство русских (об изначальной

1037 г.⁷, а деятельность первого на Руси митрополита Феопемпта отмечена летописью под 1039 г.⁸ Именно Феопемпт прямо называется первым русским митрополитом⁹. Показательно, что назначенный из Византии митрополит-грек начинает свою деятельность с повторного освящения главного киевского храма — Десятинной церкви, что указывает на неприятие прежних канонических порядков¹⁰. Данных о хиротонии еп. Луки задним числом нет, поэтому выдвигенец великого князя становится вторым новгородским епископом в рамках традиции автокефалии¹¹.

На годы правления еп. Луки в Новгородской церкви приходится военный поход на Византию, который в 1043 г. возглавил Владимир Ярославич: «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Гръкы»¹². Попытка взять греческую столицу закончилась

митрополии на Руси см.: *Поппе А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианская и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 447–449). Убедительных доказательств в пользу этой гипотезы нет (см.: *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 64–65; *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2005. С. 321–322). Связывать назначение Феофилакта с Древней Русью вовсе не обязательно. В ареале византийского влияния имелось несколько областей с названием Росия, Русия, или похожими именованиями (см.: *Кузьмин А. Г.* Этноним «русь» от Балтики до Меотиды // *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. М., 2003. С. 242–292). Считающийся преемником Феофилакта Иоанн I в житийных повествованиях о Борисе и Глебе титулован то архиепископом, то митрополитом (Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 17–19; 53–59). Архиепископский его статус подтвержден Титмаром Мерзебургским, а это значит, что к 1018 г., о котором писал Титмар, строгой иерархии во главе с митрополитом еще не существовало. Печать Иоанна митрополита Росии, считавшаяся материальным свидетельством должностного статуса носителя с таким именем, принадлежала, как установлено, не Иоанну I, а Иоанну IV, который был митрополитом в 1164–1166 гг. (об атрибуции печати Иоанна: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 51, 175). Факт крещения Руси не фиксируется официальными византийскими источниками. Отсутствуют сведения о митрополитах и в древнейших памятниках отечественной письменности. Появление имен первоиерархов в позднейших источниках — следствие церковной реконструкции на основе т. н. «византийского шаблона», созданного на основе византийской концепции крещения Руси. Позднейшие ретроспекции не соответствуют историческим реалиям. «Первые митрополиты», фигурировавшие в «Патриаршей летописи», «Уставе Владимира», «Степенной книге царского родословия» — фигуры легендарные, вымышленные. Достоверных данных о существовании церковной структуры во главе с митрополитом до времени княжения Ярослава нет (подробнее см.: *Гайденко П. И.* Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений Киевской Руси (постановка вопроса) // *Православный собеседник.* Вып. 1 (6). Казань, 2004. С. 136–137; *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.). Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 72–75; *Гайденко П. И.* Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.). М., 2016. С. 94–100; *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси. С. 62–64; *Костромин К., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб., 2016. С. 82–90).

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151; ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 53. Ср.: ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 80.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 163.

¹⁰ *Мурынов М. Ф.* О летописных статьях 1039 и 1131 г. // *Мурынов М. Ф.* История книжной культуры России. Очерки. Ч. 2. СПб., 2008. С. 290–293; *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 227; *Костромин К., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции. С. 90.

¹¹ Об изначальной автокефальности Древнерусской Церкви после принятия христианства при Владимире и о сохранении этой традиции вплоть до Илариона, с отступлением при Феопемпте, убедительные соображения привел К. Костромин (см.: *Костромин К., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции. С. 90–111).

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154.

неудачей. После бури, разбившей суда, князь покинул пешее войско, в состав которого входило новгородское ополчение во главе с воеводой Вышатай. Находившаяся в походе паства еп. Луки была пленена и в массовом порядке ослеплена. Вряд ли можно было совместить подобного рода межгосударственные отношения с нахождением под юрисдикцией Константинополя. На фоне конфликта введение в 1051 г. автокефальной митрополии с «русином» Иларионом во главе было логичным шагом. Соответственно, назначение еп. Луки без участия митрополита можно рассматривать как репетицию к осуществлению такого шага.

Церковная независимость Руси, на фоне колебаний в этом вопросе верховного властителя русских земель, была кратковременной. После смерти Ярослава куда-то без пояснений исчезает Иларион, а его место в 1055 г. занимает присланный из Византии грек Ефрем, который, как и Феопемпт, начал с повторного освящения главного столичного храма — Святой Софии. Этот акт зафиксирован в месяцеслове Мстиславова Евангелия¹³. Другим важным мероприятием митрополита-грека на Руси стало судебное преследование еп. Луки, но привлеченный в качестве свидетеля владычный холоп Дудика не дал ожидаемых показаний на своего хозяина, и в 1058 г. владыка был оправдан¹⁴. Правда, святитель смог вернуться в Новгород лишь в гробу. 15 октября 1059 г. на пути из Киева в Новгород он скончался¹⁵. Есть мнение, что еп. Лука был

¹³ *Невострев К. И.* Состав и месяцеслов Мстиславова списка Евангелия // ИОРЯС. Т. 10. Вып. 2. СПб., 1861. С. 118 (об этом см.: Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. С. 312).

¹⁴ «Клевета бысть на архиепископа Лоуку отъ своего холопа Доудики, и изыде из Новагорода и иде къ Киевоу, и осуди митрофолить Ефремъ, и пребысть тамо 3 лета» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 118); Ср. ПСРЛ. Т. 43. С. 54–55; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 183; ПСРЛ. Т. 9. С. 91. Недавно А. А. Гиппиус обратил внимание на граффити некоего Дудицы в Новгородском Софийском соборе. Содержание надписи представляет собой обращение к Богу с молитвенным возванием о помощи. Исследователь связал личность обладателя немецкого и не встречающегося в местном ономастиконе имени со слугой владыки, который после судебного процесса и нанесенного ему членовредительства удалился «в немцы» (*Гиппиус А. А.* Клевета на епископа Луку: эпиграфическое свидетельство летописного эпизода? // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 814–815). Совершить такое путешествие калека мог лишь при наличии влиятельных покровителей, а обязанным ему мог быть только оправданный иерарх, обвинения которого не были подкреплены свидетельствами пострадавшего за него холопа (подробнее о суде и его подоплеке см.: *Мильков В. В.* Новгородский святитель Лука: характер деятельности и идейные аспекты творчества // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 2007–2011). Обращение к сверхъестественному заступничеству владычного слуги во владычном храме в трудный момент его жизни не согласуется с ситуацией, которая имела бы отношение к клевету. Это является дополнительным аргументом в пользу того, что Дудике хотели использовать как обличителя. Только в состоянии твердости духа перед лицом ожидаемых испытаний можно было воззвать к помощи Всевышнего. Мог ли надеяться на покровительство Бога клеветник? Молитвенное воззвание к Богу в ожидании суровых испытаний — логично. Тогда логично и то, что выстоявший выбивание показаний и изуеченный холоп в благодарности за стойкость и преданность хозяином вполне мог быть отправлен на родину. Плодотворную идею о возвращении владычного холопа на Родину высказал А. В. Назаренко, хотя и не связал свои наблюдения с запутанной конкретикой событий (см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне: историко-филологические исследования. М., 2009. С. 337. Прим. 30).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 183. Летописи уточняют, что срок епископства составлял 23 года (ПСРЛ. Т. 9. С. 91), что укладывается в период с 1036 по 1059 гг., при этом срок пребывания в заключении оправданного епископа засчитывается в общий стаж. Сначала еп. Лука был погребен близ построенного им Софийского собора, а позднее останки его были перемещены в Мартириевскую паперть (см.: *Брюсова В. Г.* Страница из истории Софийского собора Новгорода // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 42–43; *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 7, 13, 70–73, 218).

устранен традиционным византийским средством как неудобная для греческих церковных властей фигура, действовавшая на автокефальном церковном поприще¹⁶.

Епископ Лука Жидята был активным и деятельным представителем духовной власти. За годы архипастырской деятельности он был причастен к важным начинаниям и свершениям в религиозной, государственной и культурной жизни Новгорода. При нем был возведен Софийский собор (1045–1050)¹⁷. По его заказу работала артель живописцев, в 1053–1056 гг. украшавшая росписями возведенную храмовую постройку¹⁸. Сохранились граффити мастеров, в том числе тревожные, сообщавшие о том, что работавшие над фресками Гага и Сежир оказались в беде¹⁹. Проблемы у художников могли возникнуть из-за суда над владыкой и последовавшим в связи с этим прекращением работ²⁰. Содержание другого граффити — призыв к Богу о помощи какому-то Луке (№ 186). Имелся ли ввиду строитель Софии или его тезка — сейчас не установить. Зато другая надпись, весьма вероятно, имеет отношение к архипастырю. В ней сообщается о смерти некоего Луки в октябре месяце. Надпись эта сделана без уточнений. Отсутствует точная дата, а о самом печальном событии сообщается как будто на основании слухов. Зато есть важное совпадение — еп. Лука тоже скончался в октябре. Сан Луки здесь не обозначен и это логично, с учетом претензий к новгородскому владыке со стороны митрополита²¹. В обоих случаях мог быть назван любой другой Лука, но тогда непонятно отсутствие характерной для граффити конкретики.

Совсем недавно настенная надпись с молитвенной просьбой о спасении неназванного по имени епископа также была связана с событиями суда над еп. Лукой Жидятой (№ 182-Б). Молитва в защиту некоего безымянного владыки атрибутируется прибывшему в Новгород приближенному князя Ярослава. Эта молитва отличается от других настенных воззваний. В ней просьба о спасении адресуется целому сонму небесных сил: Троице, Святой Софии, Сорока мученикам и Николе. Ряд сакральных защитников весьма внушительен и свидетельствует о напряженности и большой озабоченности писавшего. На основании того, что Никола является защитником невинно осужденных, содержание граффити трактуется как документальное свидетельство тревоги и озабоченности за судьбу именно новгородского святителя²². Появление в тех обстоятельствах закамouflированных надписей на стене кафедрального собора объяснимо неопределенностью ситуации. Подобными надписями мог отметить кто-то из окружения владыки, служившего в этом храме. Указанные настенные записи вполне могли отражать внимание авторов граффити к личности и судьбе опального святителя, включая и почтение его памяти. Переживания участников софийской артели за собственную участь, безусловно, вписываются в тревожную атмосферу владычного двора в период отсутствия там владыки. В такой обстановке появление

¹⁶ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 19. П. И. Гайденок правильно видит в еп. Луке противника византийской гегемонии и преследование новгородского святителя связывает именно с этой причиной. Не обнаруживается только подтверждение в источниках тезису о «путешествии» еп. Луки в немцы, куда после суда был перемещен его холоп (см.: Гайденок П. И. Еще раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеровские чтения. № 7. М., 2009. С. 53–63).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 116–117.

¹⁸ См.: Мединцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 25–32, 49–50.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ См.: Там же. С. 47–56.

²¹ Там же. С. 126. Подробнее см.: Мильков В. В. Идейный смысл начинаний новгородского святителя // Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М., 2016. С. 52–53.

²² Гиппиус А. А. Клевета на епископа Луку. С. 809–813.

имени Луки в храме, который создал архипастырь с тем же именем, а также призыв к спасению владыки, несмотря на всю неопределенность персональной привязки этих надписей, выглядит весьма симптоматично.

Так или иначе, но древнейшие граффити на стенах Софийского собора свидетельствуют о больших сложностях, которыми сопровождалось осуществление начинаний весьма продуктивного в своей деятельности, но при этом неоднозначного с точки зрения идейно-религиозных критериев новгородского святителя. Случившиеся при росписи Софии проблемы у иконописцев, возможно, получили отражение в легенде о сжатой деснице Спаса в центральном куполе собора²³. Согласно ей, мастера трижды переписывали благословляющие персты Спаса, которые каждый раз оказывались сжатыми. Переделки прекратили, когда услышали пророчество о деснице, предрекающее стоять Новгороду до той поры, пока рука Спаса не разожмется²⁴. Созданный при Луке Спас на протяжении столетий воспринимался в Новгороде как градохранитель. На штукатурке собора сохранился приписываемый упомянутому Сежиру высокопрофессиональный эскиз облика Пантократора для подкупольной росписи²⁵. Остается добавить, что на время святительства Луки Жидяты, скорее всего, приходится несвойственное ритуальной практике византийцев нововведение — а именно внедрение колокольного звона, привнесенного в древнерусскую культуру вместе с другими влияниями ирландской традиции²⁶.

Сам не чуждый литературному творчеству, еп. Лука покровительствовал книжному делу. При нем развернулась деятельность новгородского скриптория. Единичные из сохранившихся экземпляров книг той поры несут на себе следы религиозного своеобразия. В 1047 году Упырем Лихим на основе глаголического протографа была создана рукописная книга «Толковых пророчеств». 1056-м годом датируется «Остромирово евангелие», отразившее влияние западной богослужебной практики²⁷. В подконтрольной владыке епархии создавались книги, не являвшиеся прямой рецепцией греческих образцов. За культурными начинаниями (будь то живопись или книжный репертуар) проглядывают одни и те же связи с западным регионом славянства, где в глаголической форме жило наследие св. Кирилла и Мефодия, где заметным было влияние ирландской традиции.

Таков ареал сохранившихся до нашего времени памятников, к которым был причастен еп. Лука Жидята. Этот замечательный ряд творений начальной поры христианизации — материализация созидательной энергии святителя, направлявшейся его волей к большим и знаковым свершениям. В ряду этих свершений по праву стоит и самое раннее в истории отечественной книжности сочинение — Поучение самого еп. Луки Жидяты. Казалось бы — выдающиеся творения архитектуры, живописи и литературы могут появиться в благоприятной среде, способствующей процветанию всех видов искусства. Но за этим парадным фасадом скрывалась далеко не всегда гармоничная обстановка новгородской жизни. Выше уже затрагивалась проблема бед, выпавших на долю создателей Новгородской Софии. Еще более важно понимание

²³ Считается, что поздние списки воспроизводят древнее предание, мотивы которого возникли в связи с древнейшей росписью храма (*Брюсова В. Г.* София Новгородская. Памятник искусства и истории. М., 2001. С. 36).

²⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 54.

²⁵ *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. С. 53–54.

²⁶ *Мурыянов М. Ф.* «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» (славянские параллели) // *Мурыянов М. Ф.* История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1. С. 569.

²⁷ См. об этом: *Мурыянов М. Ф.* К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова евангелия // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования.* 1982. М., 1984. С. 131–135, 137.

общей внутренней ситуации в городе для интерпретации смыслов Поучения, описывающего атмосферу в обществе далеко не радужными красками. Но чтобы понять нерв ситуации, придется выйти за хронологические рамки пребывания еп. Луки на кафедре, совершить экскурс в не столь далекое прошлое и вспомнить о весьма непростых отношениях новгородцев с князем Ярославом. Именно вызревший конфликт между властным обладателем великокняжеского стола и свободолюбивыми новгородцами дает ключ к пониманию задач, которые решал ставленник Ярослава на святительской кафедре в Новгороде.

Начнем с того, что Ярослав был посажен Владимиром Святославичем управлять Новгородом — важнейшим в податном и стратегическом отношении регионом державы крестителя Руси. В 1015 г. Ярослав перестал выплачивать выход в Киев. Князь-наместник явно намеревался обособиться от киевской власти и образовать независимое княжение. Война отца с сыном не разразилась только из-за смерти киевского князя.

К началу эпопеи отвоевания у соперника Святополка великокняжеского стола Ярослав оказался во вражде с новгородцами. Они восстали против своего князя за то, что тот коварно перебил приглашенную на пир тысячу новгородских воинов. Пир планировался как примирительный с теми, кто карал княжеских варягов за вторичные акты насилия: «и позва к собе нарочитыя мужы тысящю, иже бяху иссекли варягы ты, облстив их иссече»²⁸. Покаявшись на вече за избивание новгородской дружины, Ярослав чем-то смог заинтересовать простивших его горожан, и те собрали для похода на Киев 4000 ратников в дополнение к тысяче наемных варягов. Надо полагать, были посулены какие-то очень выгодные условия для местной знати.

Завладев в результате Любечской победы 1016 г. великим княжением, Ярослав вознаграждал соратников: раздал новгородцам и старостам по 10 гривен, смердам — по 1 гривне. Новгороду же в благодарность за поддержку были даны грамота и устав²⁹. Содержание этих документов до сих пор является предметом споров. Устав обычно отождествляют с Древнейшей Правдой Ярослава (Краткой редакцией Русской Правды). Буквально в первой статье в ней уравнивались права новгородцев, княжеского окружения и пришлых на Русь людей. Право кровной мести ограничивалось кругом родственников и вводилась вира в случаях, когда убийство оставалось неотмщенным³⁰. Таким образом, в древнейшем писаном законе получила отражение ситуация коллизии новгородцев с варягами и самим князем. Суть выгоды для новгородцев в той ситуации раскрывает Софийская летопись: «О любимая моя дружино, юже вчера избихъ в безумии моемъ. Не топере ми ихъ золотом окупати, а ныне надобни»³¹. Это означало, что в преддверии похода на Святополка он не может возместить выкуп за погибших и, скорее всего, дает обещание выплат после занятия Киева. В той ситуации денежная компенсация эквивалентна вире. Право замены мести вирой появится, что характерно, как раз после удачной войны. Следовательно, такую законодательную норму вместе с обещанием позже рассчитывать с оформленным под будущий закон долгом на вече Ярослав, скорее всего, и мог гарантировать новгородцам.

22 июля 1018 г. приведенные Святополком поляки во главе с Болеславом разгромили на р. Буг рать Ярослава. Тот даже не сделал попытки отстоять Киев, куда отступили остатки его воинства. Он бежал в Новгород и намеревался следовать далее, чтобы укрыться у варягов. Этому воспротивился посадник Коснятин (Константин) Добрынич, который рассек лады и инициировал сбор гигантской суммы

---

²⁸ ПСРЛ. Т. 43. С. 49.

²⁹ НПЛ. С. 175–176.

³⁰ Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 75.

³¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 127. В Новгородской IV летописи этой речи князя придан оттенок, что побитых воинов ни за какие деньги не воскресить (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 106).

на продолжение войны: по 4 куны с простых людей, со старост — по 10 гривен (цена награды за Любечскую победу), а с бояр — по 18 гривен³². Чем же мог быть вызван дерзкий мятеж против князя и умопомрачительные расходы? Утративший после поражения властные ресурсы князь, в панике бегущий из страны, вынужден менять планы и действовать по воле новгородцев, с которыми он прежде не церемонился. Константин продемонстрировал утрату князем власти в Новгороде. Формально такие действия были в пользу Ярослава, а реально примененное к князю принуждение осуществлялось принуждением со стороны новгородцев и, конечно же, в их интересах. Скорее всего подобного рода энтузиазм был связан со стремлением обеспечить реализацию обещаний 1015 г., а условием для этого было возвращение наследника Владимира на великокняжеский стол³³.

Как можно оценивать расклад сил и подноготную тех событий? Для первого лица в княжеской администрации, каковым являлся Константин, это дерзкое попрание субординации. Или продолжатель знаменитой династии уже врос в интересы новгородской знати? Так или иначе, но с опорой на новгородцев и оплаченных ими варягов Ярослав смог вернуть киевское княжение и окончательно разгромил Святополка, который опирался в борьбе за великое княжение на печенегов³⁴. В Софийской I летописи ситуация вознаграждения новгородцам, о которой повествуется в других летописях под 1016 г., приурочена к 1019 г.³⁵ К этой дате некоторые историки, вслед за Софийской летописью, относят получение новгородцами «устава» и «грамоты»³⁶. Это маловероятно. Новгородцы последовательно в 1018–1019 гг. мотивированы выгодой, которой с юридической точки зрения они уже располагали. Видимо, «дар» Ярослава в виде «устава» и «грамоты» эту выгоду обеспечивал, но князь-беглец реализовать свои обещания не мог.

Весьма показательно, что после 1018 г. Новгород на протяжении более десяти лет поддерживал Ярослава, позиции которого на юге Руси не были прочными. В 1024 г. в соперничестве с братом князь потерпел сокрушительное поражение от Мстислава Тмутороканского у Листвена. Тогда киевляне не приняли Мстислава, и тот вынужден был сесть в Чернигове. В 1026 г. в Городце братья разделили подконтрольные им территории на две части по линии Днепра. Договор закреплял приоритет старейшинства за Ярославом. Хотя Киев формально остался за Ярославом, он в течение семи лет (до 1032 г.) правил из Новгорода, послав в столицу

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

³³ Статус Коснятина в той коллизии не ясен. Его отец Добрыня был оставлен Владимиром в Новгороде посадничать (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79). Город тогда являлся княжеским владением и управлялся посадниками как княжескими должностными лицами (Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2018. С. 87). В списке посадников он фигурирует под вторым номером (НЛ. С. 164), хотя там же вместо поставленного в 980 г. Добрыни на первом месте значится легендарный Гостомысл. Не отметил составитель Списка и предшествующих посадников Ярополка (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75). В летописи он фигурирует как «посадникъ Костянтинъ, сынъ Добрыининъ» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 108). В 1018 г. Коснятин действует явно в интересах Новгорода, и его поведение выходит за рамки иерархических практик. Встает вопрос: как подчинивший князя своей воле мог получить посадничество при уходе Ярослава из Новгорода? Еще более сомнительно, чтобы регентом был избран политически активный и неподконтрольный властителю деятель, когда наместником, пусть номинальным, в первой половине 30-х гг. был назначен княжеский сын младенец Илья. Список князей Великого Новгорода из приложения к «Новгородской I летописи» не проясняет порядок смены в наместничестве (НЛ. С. 470). Не связана ли его опала со сменой властной модели управления городом?

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 144–146.

³⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 133.

³⁶ Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. С. 85, 473.

наместников. Своеобразие ситуации совершенно точно обозначил А. Ю. Карпов: «Ближайшие восемь-десять лет после заключения Городецкого мира Ярослав провел преимущественно в Новгороде. Конечно, Киев оставался столицей его державы, но при жизни Мстислава он не спешил избирать его местом своего постоянного пребывания...»³⁷. По сути, в этот период он был не столько киевским, сколько новгородским князем³⁸. При этом князем, который не просто осуществлял верховную власть в городе, а князем с единоподдерживаемыми амбициями. В 20-е годы Ярослав олицетворял единство новгородско-киевской Руси, а его пребывание на севере способствовало укреплению княжеской власти в Новгороде. Вряд ли это могло нравиться новгородцам, тем более что Ярослав распоряжался новгородскими владениями (передача Ладоги и округи как вено при заключении брака с Ириной-Ингигерд). Под прикрытием наемных варягов он себя чувствовал в северном русском городе уверенно. За действием же новгородцев в поддержку компаний Ярослава на юге Руси просматривается желание «вытолкнуть» претендента на великое княжение. И тогда, когда новгородцы ходили под началом Ярослава против его врагов, и даже тогда, когда брали на себя инициативу организации похода 1018 г., они рассчитывали на получение выгоды от утверждения бывшего князя-наместника на великокняжеском столе. И гарантировать выгоду могла как раз «грамота» (на основе ряда 1015 г.). Недовольство задержкой Ярослава в Новгороде, после того как новгородцы содействовали обеспечению его прав на Киев, не могло не накапливаться. Ситуация сидения на двух столах продолжалась до оставления вместо себя посадника Константина. О том, когда это произошло, историки спорят.

В Списке новгородских князей из приложения к Новгородской I летописи приводятся сведения об изменении порядка властных отношений между великим князем и Новгородом при Ярославе: «...Ярославъ, и володыше землю, и идя Киеву, и посади в Новгороде Коснятина Добрынича. И родися у Ярослава сын Илия, и посади в Новгороде, и умре. И потом разгневался Ярослав на Коснятина и заточи и, а сына своего Володимера посади в Новгороде. И писа грамоту Ярослав ркя: по сеи грамоте ходите»³⁹. Софийская Первая и Новгородская Четвертая летописи опалу Константина приписывают к 1019 (1020) году⁴⁰. Однако датировка событий, относящихся к заточению и убийству «на третье лето» Коснятина (Константина), в указанных летописях ненадежна⁴¹. По уточненным данным, устранение посадника могло произойти в период между 1034 и 1036 годами⁴². В недатированном источнике повествуется о событиях близких и взаимосвязанных, а относить посадничество Константина, с последующей заменой на установление династического наместничества в лице младенца Ильи, к более раннему времени нелогично — Новгород до 1032 г. находился под личным контролем Ярослава. Происходившая смена фигур на новгородском столе является следствием окончательного ухода Ярослава в Киев и стремлением сохранить максимум своей власти над Новгородом. Заточение и последующее убийство влиятельного представителя местной элиты, осмелившегося диктовать князю свою волю в 1018 г., приходится рассматривать в рамках властного передела. Надо полагать, что деяния Константина вскрыли слабость дистанционного управления городом: даже

³⁷ Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. С. 241.

³⁸ Янин В. Л. Новгород во времена Ярослава Мудрого и его ближайших преемников // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 150.

³⁹ НЛД. С. 470.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 172; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 110.

⁴¹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 35–40; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 204.

⁴² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 68–70.

представитель княжеской администрации — посадник — в той ситуации действовал в интересах местного боярства. Появление «духовного посадника» Луки происходило на стыке смены старого порядка на династический контроль за Новгородскими землями в форме наместничества. Этими действиями великий князь устранял опасный противовес, расчищая политическое пространство для детей-наместников. Поставленный без участия митрополита епископ Новгорода действовал в русле централизации княжеской власти. Этому способствовала экстерриториальность святителя, который находился вне новгородского социума и осуществлял церковное строительство исключительно на княжеских землях⁴³.

Нейтрализовав влиятельного посадника, способного бросить ему и его детям на наместничестве вызов, и поставив во главе церкви прямого ставленника, Ярослав не желал выпускать Новгород из-под своей крепкой власти. Знаковые назначения он производит тогда, когда по стечению благоприятных для него обстоятельств становится самовластцем всей Руси⁴⁴. В 1036 г. Ярослав вместо себя сажает на новгородский стол уже не младенца, а вполне зрелого молодого наследника (Владимир родился в 1020 г.). Для поддержки в Новгород с ним направлен верный приверженец княжеской власти — еп. Лука. Тогда же Ярослав «людемъ написавъ грамоту рекъ: по сеи грамоте дайте дань»⁴⁵. Судя по косвенным данным, в ней фиксировался новый порядок финансовых отношений между киевским князем и Новгородом в перестроенной властной системе. В. А. Буров подсчитал, что размер дани, которая была предназначена в Киев, за период с 1015 по 1035 гг. соответствовал вине за 1000 человек, рассчитанной на основании постановлений Краткой Правды Ярослава⁴⁶. Получается, что за эти годы полностью покрывалась сумма, погашавшая выплаты за убитых в 1015 г. Ярославом в Ракоме. Условия 1036 г. означали, что прежде существовавшим льготам, которые шли в зачет за убитых в 1015 г. новгородцев, положен конец. Повторное появление грамоты после грамоты 1016 г. было бы нелогичным. Только новые условия могли фиксироваться новой грамотой, тем более что во второй грамоте прямо указывается на данническую повинность. А это значит, что одновременно с назначением Владимира и еп. Луки в Новгород был отменен мораторий на выплаты выхода и отчисления в пользу князя. Бесспорно — это фактор роста напряженности в городе.

Достоверно неизвестны хронологические этапы формирования Правды Ярослава, но не исключено, что в то же время в ее состав мог быть включен «Покон вирный», в котором прописаны правила взимания натурального содержания с населения во время исполнения вирниками судебных функций⁴⁷. Позиция центральной власти выражена недвусмысленно. Хотя закон и ограничивал самоуправство вирников, он укреплял позиции княжеской администрации в принципе, а на новгородских землях такой порядок вообще выглядел вызывающим. Правда Ярослава — закон общерусский, и Новгороду не делалось никаких послаблений. Прямое же присутствие княжеской администрации в новгородских землях ущемляло интересы местной знати, которая забрала себе фискальные функции.

По археологическим данным видно, что к концу XI в. местное боярство активно брало функцию сбора налогов на себя, действуя совместно с представителями княжеской власти, или замещая княжеских людей из сферы фиска на территории

⁴³ Мусин А. Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 161, 167, 173.

⁴⁴ После смерти Мстислава в 1036 г., а еще ранее — в 1033 г. — сына Мстислава Евстафия, претендентов на великое княжение, кроме Ярослава, не оставалось.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. С. 114.

⁴⁶ Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 6–15.

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 85.

новгородских земель⁴⁸. Свидетельством этих процессов являются бирки с княжескими знаками, концентрирующиеся в слоях боярских усадеб (преимущественно Троицкого раскопа). Абсолютное большинство этих бирок, запиравших и опечатывавших мешки с податными сборами, датируются второй половиной XI — началом XII вв.⁴⁹. На время Ярослава приходится всего несколько бирок: первой четверти XI в. (№№ 12, 50)⁵⁰ и второй четверти этого же столетия (№№ 48, 49)⁵¹. А это значит, что в период усиления властного диктата князя в Новгороде отражаемые данной категорией находок процессы либо сворачивались, либо замедлялись. Малое количество княжеских бирок на боярских усадьбах вполне может отражать резкое обострение взаимоотношений Ярослава с Новгородом, который стремился держать его под своим контролем⁵².

Логично ожидать, что с усилением княжеского и церковного контроля экономические и управленческие возможности местной элиты ограничивались. Этим порядки 30-х годов резко отличалась от 1015–1018 гг., на которые приходится «дар» Ярослава. В. Л. Янин задается вопросом: участие бояр в сборе податей и контроле за доходами относилось к пожалованию Ярослава или еще к договору о призвании князей? На основании анализа бирок он приходит к выводу, что властные полномочия местной знати изначально являлись результатом договора, ограничивавшего князя. Следовательно, Ярослав лишь подтвердил договор с Рюриком⁵³. Но это вряд ли будет справедливо для периода, предшествовавшего расправе над Константином и для годов вынужденной задержки Ярослава в Новгороде в статусе великого князя. Предпосылки для наступления на привилегии заключались уже в Краткой Правде, не делавшей различия между новгородцами и другими подданными верховного властителя Руси. То есть политическое устройство Новгорода в этом общерусском юридическом документе никак не выделялось. Восстановление выплаты дани, перераспределение ответственности за денежные сборы на основе «Покона вирного» и ужесточение общего княжеского законодательства было достаточной причиной для подъема недовольства в городе с древними традициями ограничения княжеских прав и перераспределения властных prerogativ в пользу местной родовой верхушки.

Надо полагать, Ярослав не выполнил полностью взятых на себя в 1015 г. обязательства. О том, что таковые существовали, свидетельствуют позднейшие ссылки на грамоты Ярослава (например, 1229 г.). Скорее всего, он изменил правила, поставив под свой контроль податные сборы. Естественно, боярство в этой ситуации стремилось вернуть права осуществлять фискальную деятельность (если таковые в традиции с древности существовали)⁵⁴. Соответственно, обострение противоречий в 30-е гг. XI столетия могло быть вызвано попытками ограничения княжеских prerogativ. Может быть, в тех условиях проявился зародыш будущих конфликтов между княжеско-боярской патронимией и княжеской властью. Единовластные действия великого

⁴⁸ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 47, 59–61.

⁴⁹ Там же. С. 93–109.

⁵⁰ Там же. С. 97, 108.

⁵¹ Там же. С. 108

⁵² Полезно было бы попытаться уточнить стратиграфическую датировку бирок времени Ярослава и проверить, не образуются ли «окна» без находок в 20–30-е гг., относящихся к периоду сидения на двух столах и первых наместничеств великого князя.

⁵³ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 61–62, 64.

⁵⁴ Разграничение судебных полномочий было неактуально, т. к. местный суд установился только к 1126 г. Об установившейся практике замещения княжеской администрации представителями боярства после этой даты убедительно свидетельствует раскрытие административного центра на Троицком раскопе и содержании берестяных грамот (Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности. С. 6–30).

князя пришли в противоречие с намерениями местной знати выйти из-под контроля князя. Естественно, что узурпация князем полномочий в фискальной сфере не могла не наталкиваться на противодействие, и Константин, конечно же, пал жертвой этого противостояния. Коварная расправа над ним сама по себе являлась фактором возмущения спокойствия. А возобновление выплаты дани и расширение полномочий княжеской администрации по сбору пошлин и налогов только способствовали большему возбуждению вражды к назначенным в Новгород представителям княжеской администрации. В такой ситуации Поучение еп. Луки, с его установкой на умиротворение внешне выражавшихся недовольств, выполняло роль идеологического средства установления политического мира с местной элитой.

Новопоставленный святитель акцентировал внимание на самых злободневных проблемах того момента. А их накопилось немало. Сразу важно отметить, что назидательное обращение предназначалось не абстрактно всем верующим, а социальным верхам общества. Эта особенность произведения не была отмечена исследователями. В историографии бытует мнение, что незамысловатое по содержанию и форме слово пастыря новгородский архиерей адресовал всем новгородцам. С этим никак нельзя согласиться. Поучение просто не могло предназначаться, что называется, «в массы». О широком адресате в те годы трудно и говорить, так как поголовной христианизации, судя по данным Кирика Новгородца и Ильи Иоанна, не было и в середине XII в. О весьма незначительных успехах христианизации во второй четверти XI в. можно судить хотя бы по тому, что спустя немногим более десяти лет после смерти еп. Луки в Новгороде разразилось восстание под руководством волхвов (1071 г.), когда на стоне епископа Федора остался только князь.

О задачах, которые стояли перед еп. Лукой, можно судить на основании идейных узлов его произведения. В сжатой и емкой форме Поучения четко просматриваются несколько смысловых блоков. Начинается Поучение упрощенным изложением сути учения, сведенной к понятной неискушенному человеку «формуле» вероисповедания, а завершается краткой подборкой моральных правил, имеющих черты вневременной моральной заповеди. Заключение в эту рамку ядро архиерейского наставления сфокусировано на явлениях общественной жизни, номинация которых позволяет судить о ситуации в городе. В этой своей новгородской конкретике архипастырь далеко выходит за рамки типовой нравственной проповеди. Содержание завязано на несколько актуальных и взаимосвязанных тем и касается вполне конкретного адресата, ибо нацелено на людей состоятельных, влиятельных и активных.

Если бы владыка обращался к новгородцам вообще, то, как и другие проповедники, он должен был адресовать свое поучение к «чадам» или «детям». Епископ Лука же предназначает свое наставление исключительно «братии». Сам будучи представителем социальных верхов, он, таким образом, обращался к равным по статусу людям⁵⁵. Это подтверждается и содержанием предлагавшихся «братии» наставлений. Затрагиваются такие характерные для состоятельных и причастных к управленческим функциям лиц поступки, как лихва и несправедный суд: «мзды не емлите, в лихву не дайте» (с. 164)⁵⁶. Только к богатым новгородцам мог быть адресован призыв проявлять милость к странникам, убогим, заключенным и собственным слугам: «помните и милоуйте странныя и убогыя и темничники, и своим сиротамъ милостиви будите»

⁵⁵ На высокий социальный статус еп. Луки пронизательно обратил внимание П. И. Гайденко (см.: *Гайденко П. И.* Быт и нравы архиереев. С. 100).

⁵⁶ Здесь и далее мы оперируем Карамзинским списком Новгородской IV летописи т. н. Первоначального вида. Рукопись РНБ. Ф. IV. 603. XVI в. Ссылки даются по месту цитирования в тексте на страницы издания в кн.: *Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В.* Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М., 2016. С. 161–164.

(с. 163). Судя по увещанию архипастыря, в делах суда, милостыни и вопросах денежного обогащения новгородская знать не отличалась благочестием.

Есть и другие признаки, свидетельствующие о том, что под братией архипастырь понимал исключительно лучших мужей. Епископ Лука четко отделяет «братию» от обычного новгородского населения. Он выделил ряд позиций, следовать которым желательно не только в отношениях «братии» с «братиею», но и с остальными людьми: «любовь имейте съ всецѣмъ человекомъ, а боле з братею» (с. 162); «претръпите брат брату и всякому человеку» (с. 163). Получается, что поставленный в Новгород князем владыка обращался отнюдь к не простым новгородцам, круг межличностных контактов которых выходил за узко-сословные рамки верхов привилегированных лиц и простирался до «всех» прочих. Дифференциация весьма красноречивая, подводящая типичное для состоятельных верхов общества поведение под моральные нормативы.

В пунктах обращения к знати архипастырь суммирует несколько нежелательных для этой среды поступков, некоторые из которых не встречаются в перечнях нравственных пороков других пастырских наставлений. К ним он относит целый букет взаимосвязанных аморальных действий: «москолудство» (издевательство), срамослови: «проявление крутого нрава, ведущего к ссорам, выражение презрения и насмешки: «москолудство вамъ брате нелепо имети, ни мльвити срамна слова, ни гнева на всякъ день имети, не похритаися (т. е. не надругаться. — В. М.) ни посмеися никому ж» (с. 163). Здесь и далее за словами наставления проглядывает ситуация вражды, в связи с чем еп. Лука, обобщая конкретику пастырской оценки современников, осуждает раздоры в среде представителей высокого социального статуса: «претръпите брат брату, и всякому человеку, а не въздаите зла за зло, друг друга похвали, да и Богъ вы похвалит, не мози свадити (т. е. враждовать, ссориться. — В. М.) да не наречешись сынъ диаволу, но смиряи, да будеши сынъ Богу. не осуди брата ни мыслию, поминаа своя грехы, да тебе Богъ не осудить» (с. 163). К обстановке вражды имеет отношение запрет налагать на врагов проклятия: «не кленитесь Божиим именем, ни иного заклинаите, ни проклинаите» (с. 164). Владыка ставит в один ряд клятвотверждение, заклинание и проклятие, налагая запрет на унаследованную от языческой эпохи вербальную магию. По убеждению святителя, человек, поступающий правдиво, не нуждается в клятвах. В ситуации подтверждения правоты, согласно Поучению, нет нужды в клятве: «но буди правдивъ тако, яко не каися правды дея и закона Божия» (с. 162–163). Но в контексте произведения обращает на себя внимание то, что заклятие поставлено в один ряд с проклятием, следовательно, святителя заботила прежде всего практика применения предосудительных с христианской точки зрения действий в обстановке вражды в верхах общества. По этим пунктам наставления видно, что нравственное врачевание новгородской элиты сопряжено с осуждением дохристианских традиций, а общие установки на умиротворение сочетаются здесь с желанием прекращения свар, принимавших недопустимую с доктринальной точки зрения форму.

Созданная еп. Лукой неприглядная картина озлобления лучших новгородских мужей представляет собой яркую зарисовку с натуры, которая дышит живым впечатлением от раздоров, вражды и претензий. Судя по Поучению, моральный облик «братии» оказывается далеким от требований богоугодности, поскольку в поведении верхов общества архипастырь не наблюдал проявления любви, смирения, терпения и правдивости. С позиций христианского вероучения еп. Лука давал отрицательную этическую оценку захлестнувшим новгородскую «братию» проявлениям вражды, но при этом он подходил к врачеванию элитарной паствы корректно, чтобы не дать повод могущественной «братии» новгородской (читай — боярству) отвернуться от Церкви и выйти из-под его духовного влияния и контроля. Отношение архипастыря к влиятельной и буйной в своей греховности «братии» у новгородского

владыки — одновременно принципиально осуждающее и сдержанное, лишенное акцентов бичевания. Ни о каких санкциях в отношении неблагоприятного поведения верхов новгородского общества в Поучении речи не идет вообще. Только увещание. Поразительно, но в нравственном наставлении полностью отсутствует призыв к покаянию. Обличительная тональность во владычном обращении к высшим кругам новгородцев также отсутствует. Прямой же смысл наставления архипастырь дипломатично закамуфлировал. Однако за общими и обтекаемыми формулировками представители влиятельной и могущественной паствы не могли не увидеть в созданном владыкой обобщенном портрете «братии» себя.

Весь пафос обращения еп. Луки к новгородской «братии» нацелен на прекращение агрессивного возбуждения и разных проявлений ожесточения в северной русской столице. Соответственно, центральной для Поучения является установка на умиротворение. Ради достижения этой задачи, по законам жанра поучений, еп. Лука Жидята противопоставляет недостойному поведению нормы, базирующиеся на основополагающем идеале вероучения. С позиций христианской любви к ближнему он призывает паству выстраивать межличностные отношения на фундаменте взаимного уважения, исключаящего гордость, вражду, месть и озлобление. Ставя на первое место любовь, новгородский владыка прививал сознанию современников базовую норму христианского мироотношения. Он подводил под нее, как под всеобщий нравственный закон, и другие заповеди: терпение, прощение, смирение. Отсутствие таких качеств в среде «братии», в понимании еп. Луки, являлось причиной неприязни и вражды. На первый взгляд может показаться, что пришлый в Новгород иерарх так мог воспринять противостояние боярских кланов, что, как известно, было делом обычным для Новгорода. Но внутренние распри стали проявляться гораздо позже, став характерной чертой республиканской эпохи. А поскольку к «братии» еп. Лука недвусмысленно относил и себя, то это дает основание рассматривать конфликт расширенно, как столкновение местных и пришлых элит. Объективные условия для такового, как мы показали выше, сложились при перестройке системы политического управления Новгородом. Поводом для Поучения послужила ситуация, нетипичная для пастьерских обращений, но в обстановке тогдашней жизни имевшая важное значение.

На стадии принципиальной замены такого властного инструмента, завязанного на боярство, как посадничество, прямым контролем со стороны великого князя через своего наследника-наместника, острый политический смысл обретает прописанный в Поучении принцип подчинения сначала верховной светской власти, а затем власти духовной: «Бога ся боите, князя чтите, раби первое Бога, та же госпуду чтите от всего сердца, иереа Божиа чтите, и слугы церковныя» (с. 164). В Средневековье данная норма являлась типовой и базировалась на евангельской заповеди (1 Петр 2:17). Однако в вольнолюбивом Новгороде подобное назидание звучало одиозно. Задававшийся в Поучении принцип иерархического подчинения не соответствовал исконным новгородским традициям и политическим устремлениям боярства к экономической и политической эмансипации от княжеских властных структур. В обстановке, когда власть посадника Константина была заменена на власть династического наместника, с выдвижением на эту роль старшего сына Ярослава, еп. Лука делает призыв повиновения князю программным и выстраивает модель властной субординации в его интересах: князь — иереи — граждане. Условием для реализации этой модели было достижение мира с местной элитой, на что и были направлены миротворческие увещания архипастыря.

Включение в наставление пункта о власти дает основание говорить, что усилия еп. Луки как представителя власти духовной были направлены на укрепление верховной княжеской власти в Новгороде. Епископ Лука действовал в соответствии

с провозглашенной в его Поучении сакрально-правовой нормой и выступал в роли посредника между великим князем и влиятельными новгородцами. Как новгородский архиерей, он употребил свою духовную власть для целей утверждения общерусского политического единства. Понятно, почему увещательные послы еп. Луки строятся не на критике и тем более не на прямом осуждении, способном оттолкнуть «братию» от архипастыря и проводимой им линии, а на тонком дипломатически выверенном расчете, облеченном в доктринально обоснованную форму постулирования должного.

После того, как мы установили адресат Поучения и смысловое содержание его основных постулатов, перейдем к рассмотрению зачина Поучения. Исполненное в критически-назидательном ключе социально-политическое ядро произведения, как уже говорилось, предваряют общеустановочные вероучительные положения. Поучение начинается со своеобразного тезисного изложения базовых постулатов исповедуемой веры: «пръвее всего сию заповедь известно должни есмы вси христьяне дръжати. веровати въ един Богъ въ Троици славим, въ Отцаа и Сына и Святаго Духа, яко ж научили апостоли святии отци. и утвердиша Верую до конца въ единого Бога. веруйте же въскресению. и жизни вечней и муце грешным. вечней» (с. 165). В такой незамысловатой манере суммируются главные положения христианской доктрины, краткая и адаптированная форма которых, надо полагать, была обусловлена задачами первоначального ознакомления паствы еп. Луки с сутью учения. Легкий для восприятия текст явно приспособлялся к пониманию «младенцев в вере».

В догматическом плане странной представляется непроговоренность Символа веры. Поскольку не уточнена субординация Лиц Троицы, не проясняется и характер исповедуемого вероучения. Даже в новообращенной стране оглашение требовало произнесения полного Символа. Может быть, утверждение основ веры неопитов в такой форме второй новгородский епископ считал вполне достаточным, только вряд ли надо забывать, что именно разные трактовки субординации Лиц лежали в основе христологических споров и разводили разных последователей монотеистически-тринитарной доктрины друг с другом. Проявление подобного рода упрощения граничило с непозволительной вольностью, не извиняемой даже задачами адаптации доктринальных истин к восприятию новообращенной паствы. Появление в тексте еп. Луки столь неоднозначных в доктринальном отношении формулировок, видимо, надо учитывать, когда заходит речь о причинах церковного суда над святителем.

Кроме ознакомления паствы с предельно упрощенными вероучительными формулировками, еп. Лука учит «братию» тому, как должен вести себя христианин. Его рекомендации сводятся к минимуму требований: «не ленитесь къ церкви ходити, и на заутреню, и на обедню и на вечернюю. и в своей клети хотя спать Богу поклонився толи на постели лязи. въ церкви предстоите съ страхом божиимъ. не молви речи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслию, да отдасть ти Богъ грехы» (с. 165–166). Установления чисто обрядовые, а не этические. В таком нетрудном для исполнения виде предстает совокупность нескольких элементарных поведенческих норм внешнего благочестия. Это значит, что даже внешне христианский образ жизни плохо соблюдался. Видимо, таков был уровень христианизации верхов новгородского общества во второй четверти XI столетия. В этом контексте постулат о «страхе Божиим» призван создать нравственное напряжение при выборе стратегии поведения и одновременно подводит неопита к осознанию личной ответственности за проступки.

Венчает Поучение третья, заключительная часть, в которой выборочно суммируется заметно ограниченное количество правил христианской нравственности. Данным блоком в тексте формируется общий план нравственно должного. Получается, что архипастырь несколько выделенных им в качестве актуальных для исторического момента наставлений «братии» встраивает в рамку стереотипных для христианской Церкви

правил благочестия и доброй нравственности. Содержание этих правил достаточно традиционно. Оно основывается на Десятословии и евангельских установках. Заповеди не убивать, не красть, не лжесвидетельствовать, не блудодействовать восходят к Исх 20:13–17; Втор 5:17–19. Запрет на скверноядение и требование почитать святые (праздничные) дни базируется на Лев 11:4–47; Втор 14:19; Исх 20:8–9; Втор 5:12–13. Предостережения против пьянства весьма распространены в Ветхом Завете, но в нашем случае достаточно умеренный запрет накладывался лишь на чрезмерное употребление хмельных напитков и пиитие без повода. Ближайшее соответствие этому — в Тов 4:15. Некоторые из приведенных в рассматриваемом блоке типовых для пастырских наставлений заповедей перекликаются с наставлениями «братии» по самым насущным проблемам в той исторической обстановке: «не навиде, не завиди, не клеветчи, ... не буди гневлив» (ср.: Мф 5:22; ср.: Лев 19:18). Конкретно на верхи общества ориентирована заповедь не творить блуд с рабою (с. 164). В форме сжатого свода перечисленные нормы обозначают грани идеального облика христианина, а с учетом переклички отдельных заповедей блока с прямой критикой знати они образуют своего рода благочестивый контекст для достижения главной цели владыки — умиротворения новгородцев.

Нельзя не обратить внимание на то, что историческое своеобразие эпохи накладывает свой отпечаток и на выборочный подход еп. Луки к трансляции краеугольных заповедей из Св. Писания. Проявляется это в сокращении положений Десятословия. Не обнаруживается в традиционном и вневременном для христианской эпохи своде запрета поклоняться иным богам (Втор 5:7; ср.: Исх 20:3; 4 Цар 17:35), запрета на создание кумиров и службы им (Втор 5:8; Лев 19:4; ср.: Исх 20:4–6), правила субботнего дня (Втор 5:12; ср.: Лев 19:3, 30, 26, 2; Исх 20:8–11). В сравнении с библейскими заповедями отсутствует запрет на произнесение имени Господа напрасно (Втор 5:11; Исх 20:7). Не обнаруживается в составленном еп. Лукой нравственном кодексе запрета на присвоение чужого имущества (Втор 5:21; Исх 20:17).

Отсутствие перечисленных библейских заповедей в Поучении должно было иметь свою причину. Что касается правила субботнего дня, то оно не актуально для христианской ритуальной практики и его отсутствие вполне логично. Правило о напрасном произнесении имени Господа, возможно, снято во избежание повторения, поскольку в базовом блоке первоочередных требований к «братии» уже был наложен запрет клясться Божьим именем. Отсутствие прямого вето на лжесвидетельствование также можно объяснить тем, что эта норма ранее была прописана в форме призыва быть во всем правдивым. Колоритным в контексте обращения к верхам новгородского общества выглядит умолчание владыки по проблеме имущественных отношений. Вопрос о завладении чужой собственностью им, скорее всего, сознательно не затрагивается как заведомо невыполнимый в условиях феодализации. Предостережение о неправедном стяжании материальных ценностей объективно несовместимо с реалиями экономической жизни торгового средневекового города, со спецификой хозяйствования боярских патронимий в условиях колонизации окраинных земель. Святитель здесь поступал не только как дипломат, но и как реалист. Столь характерная тенденциозность, проявленная пастырем в отборе наставлений, в очередной раз указывает на элитарного адресата его Поучения.

В общем и целом, можно говорить об исключении из перечня нереальных требований к новгородской знати и тех пунктов Десятословия, которые повторяли уже проговоренные среди самых насущных наставлений новгородцам из тематически-смыслового ядра Поучения.

Но как понять отсутствие в кодексе благочестивого поведения пункта о недопустимости отступления к кумирслужению? Умолчание весьма странное ввиду того, что после введения христианства прошло всего несколько десятилетий.

По письменным и материальным источникам известно о проявлении разнообразных дохристианских традиций в Новгороде. Этой «болезни» не могла быть лишена и паства святителя, имевшего дело с первыми поколениями крещенных новгородцев. Тем не менее, ни самого упоминания темы кумирслужения, ни каких-либо конкретных обличений пережитков язычества в проповеди пастыря «новонасажденной Русской Церкви» не обнаруживается. Обход темы неизбежных для раннехристианского общества языческих пережитков отличает наставление еп. Луки от других пастырских поучений. Абсолютное большинство проповедников и столетия спустя после введения христианства видели своей задачей искоренение родимых пятен язычества⁵⁷. Епископ Лука же демонстрирует твердое нежелание затрагивать эту тему. В условиях сложного процесса христианизации подобное умолчание могло быть весьма продуманным тактическим шагом, который можно объяснить стремлением не усугубить недовольства влиятельных новгородцев. Во всем Поучении к антиязыческой теме относится только осуждение практики заклятий и проклятий, но при этом сама природа данных проступков и их архаическая подоплека никак в тексте Поучения не обозначается. В стремлении укрепить мир Киева с Новгородом уход от острой темы представляется тонким дипломатическим приемом.

Если оценивать Послание еп. Луки Жидята в целом, то надо признать щадящий характер нравственных требований архипастыря к «братии». Нормы внешнего благочестия легко выполнимы. В тех эпохальных условиях наставления для новгородцев можно считать «программой минимум», которая в простой и понятной форме раскрывала перед неопитами правила христианской морали. Нравственный кодекс еп. Луки сводился к перечню самых «общих мест на тему благочестия»⁵⁸. Поэтому в историографии Поучение справедливо охарактеризовали «краткими аксиомами христианской морали»⁵⁹, а также незатейливой проповедью, которая давала «спасительные уроки христианской нравственности»⁶⁰.

Слово архипастыря было адресовано неискушенным в вере амбициозным и состоятельным современникам. Одной из его задач было укрепление новгородской «братии» в вере. Эта специфика произведения не осталась незамеченной исследователями, которые указывали на то, что простота и доходчивость изложения были способом приспособления к восприятию вчерашних язычников: «приспособлено было к понятиям тех младенцев по вере, к которым было направлено»⁶¹. Высказывалась также мысль, что Поучение могло предназначаться тем, кто оставался подверженным влиянию дохристианских пережитков⁶².

Поучение еп. Луки, исполненное в таком необычном для архипастырских наставлений ключе, предлагается относить к дидактическому разряду типикарных чтений⁶³.

⁵⁷ См.: Гальковский Н.Н. Борьба христианства с остатками язычества. Т. II. М., 1913. С. 22, 23, 41–44, 59–60 и др.; Серапион Владимирский, свят. Поучения // Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 326–327, 337.

⁵⁸ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. СПб., 2009. С. 383.

⁵⁹ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 117–118.

⁶⁰ Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. Октябрь. 1865. С. 20.

⁶¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. II. С. 68. См. также: Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. Октябрь. 1865. С. 21.

⁶² Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 157.

⁶³ Дергачева И.В. Авторский портрет писателя-проповедника // Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М., 2016. С. 71.

Это предполагает обращение к пастве в процессе богослужения. Однако на начальной стадии христианизации, когда даже в Киево-Печерском монастыре обрели «правило чернеческому чину» (Студийский устав) только около 1051 г., представить себе строго упорядоченные уставные чтения с включением актуального дидактического назидания в первых новгородских церквях сложно. Вместе с тем тексту еп. Луки присущи признаки огласительного поучения. По своему строению оно очень близко напоминает «Огласительное послание Федора Студита ученикам своим». В нашем случае это могла быть и интронизационная речь. Обращение к пастве, скорее всего, прозвучало вскоре после появления еп. Луки в Новгороде, и самым подходящим для этого поводом мог быть обряд посажения на кафедру. Торжественность момента предполагала присутствие на церемонии прежде всего представителей властной среды.

Проповедь еп. Луки вряд ли читалась с листа. Скорее, на письмо было положено то, что сначала проговаривалось устно. Для лучшего восприятия новгородские верхи могли затем получить то же наставление в письменной форме. Письменная форма наставления обусловлена важностью конкретного повода и необходимостью решения насущных для автора-проповедника и его властного патрона задач. Устное наставление архипастыря также могло быть продублировано в форме послания/послания нужному адресату/адресатам (возможно, отсутствовавшим на проповеди). Будучи зафиксированным письменно, Поучение превращалось в послание, напоминавшее о важности момента и остроте политической ситуации. Именно благодаря письменной фиксации текст Поучения счастливо сохранился и попал в состав древнейшего новгородского свода, откуда через посредство свода 1167 г. оказался в составе Новгородской IV летописи и дошел до нашего времени⁶⁴.

Существующие в историографии оценки Поучения еп. Луки фокусируются преимущественно на чисто внешних признаках текста и не представляются исчерпывающими. Достаточно стереотипные оценки базируются, к сожалению, по большей части, на жанровой специфике произведения. По этой причине они не соотносятся ни с идейным анализом содержания, ограниченным его формальными признаками, ни с особенностями религиозно-политической ситуации в стране, которая в этом содержании получила свое отражение. Верные наблюдения о приравнивании автором своего текста к воздействию на новгородский социум, находившийся на начальной стадии христианизации, не представляются исчерпывающими. Несмотря на краткую ясность формы, мотивы и задачи пастырского обращения еп. Луки к согражданам отнюдь не сводятся только к формальному ознакомлению их с азами христианского вероучения и нравственности. Простота языка и предельная упрощенность содержания, вопреки высказываниям некоторых авторов, отражают не примитивизм творческой манеры, а представляют собой необходимую адаптацию понятийно-информационного поля текста к уровню, доступному для восприятия вчерашних язычников.

В слове архипастыря, несмотря на всю его простоту и доходчивость, заложен целый букет идей, а также четко прослеживается нерв политической актуальности, с нацеленностью конкретных увещеваний на межвластные разборки. Поэтому если рассматривать Поучение еп. Луки в историческом и идейном контексте новгородской (а также общерусской) действительности той эпохи, то оно предстает весьма сложным, многогранным и политически заостренным текстом, имеющим вполне конкретный адресат в элитарных слоях новгородского общества. Это не абстрактная проповедь к новообращенным вообще, а решавшее конкретную задачу в конкретный момент времени послание. Поэтому в элементарную вроде бы форму облакаются важные и глубокие смыслы.

⁶⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописях. СПб., 1908. С. 219, 530.

Бесспорно, что с древнейшего в русской книжности произведения начиналась работа по религиозному воспитанию и нравственному врачеванию средневекового новгородского общества. Но идейно-смысловое содержание его шире. Наставление архипастыря служило одновременно проведению политической линии Ярослава в Новгороде. Поэтому приходится разделять при анализе произведения злобу дня и манифестацию нравственных идеалов Православия как таковых. В форме пастырского наставления проповедник умело сосредотачивается на первоочередных и, главным образом, политических задачах. Под нравственно должные нормы им подводится такое поведение, которое гасит тонус недовольства и возбуждения в обществе. Набор нравственных императивов подводился под нужную для княжеской власти политическую линию. Политическая целесообразность и задачи нравственного воспитания элитарной паствы оказываются неразрывно связанными.

В контексте исторической обстановки середины 30-х гг. XI столетия Поучение еп. Луки Жидяты предстает многогранным и политически актуальным текстом. Жанр поучения творчески переработан и приспособлен еп. Лукой к потребностям времени, конкретной ситуации в Новгороде. Проповедник умело переводит общеморальное звучание своих наставлений в конкретно-историческую плоскость, мастерски совмещая религиозно-этические установки с насущными политическими задачами. От внимания исследователей ускользала именно эта сторона специфики произведения, тенденциозность которого проявлялась в приноравливании религиозных наставлений к интересам великого князя.

Факт появления в Новгороде многопланового по смысловой нравственности наставления демонстрирует возможности княжеской власти по использованию института Церкви для политического влияния на социум (в нашем случае — на аристократические его слои). Правда, силу такого влияния трудно преувеличивать. Поскольку христианство только начинало овладевать общественным сознанием, его воздействие могло быть чисто внешним, не на мировоззренческом уровне. Тем не менее, назначенный из Киева святитель рассматривал свою задачу как социально-политическую и решал ее в рамках церковного служения. Исключительное миролюбие и терпимость сочетались в личности еп. Луки с твердостью в проведении линии Ярослава и отстаивании его политических интересов в Великом Новгороде. Надо полагать, что деятельность еп. Луки Жидяты пришлась на первый из отраженных в источниках раскол между боярской патронимией и усилившим свои властные позиции в Новгороде князем. Епископ Лука, как показано выше, смог развернуть широкую культурно-созидательную деятельность, что было бы невозможно в обстановке социального брожения. Не исключено, что на гармонизацию ситуации оказал влияние не только дружинный потенциал, но и миротворческие усилия архипастыря. Если так, то данный опыт может являть собой пример достижения политической цели без применения насилия.

Источники и литература

1. *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.
2. *Брюсова В. Г.* София Новгородская. Памятник искусства и истории. М.: Искусство, 2001.
3. *Брюсова В. Г.* Страница из истории Софийского собора Новгорода // *Культура Древней Руси.* М.: Наука, 1966. С. 42–46.
4. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

5. Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.: ИА РАН, 1994.
6. Гайдено П. И. Еще раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеровские чтения. № 7. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 53–63.
7. Гайдено П. И. Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений Киевской Руси (постановка вопроса) // Православный собеседник. Вып. 1 (6). Казань: КазДС, 2004. С. 136–137.
8. Гайдено П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.). Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014.
9. Гайдено П. И. Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.). М.: Изд-во Олега Абышко, 2016.
10. Гальковский Н. Н. Борьба христианства с остатками язычества. Т. II. М., 1913.
11. Гиппиус А. А. Клевета на епископа Луку: эпиграфическое свидетельство летописного эпизода? // ТОДРЛ. Т. 64. СПб.: Росток, 2016. С. 806–817.
12. Дергачева И. В. Авторский портрет писателя-проповедника // Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016.
13. Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. С. 70–80.
14. Доброхотов В. Св. Лука Жидята, второй епископ новгородский // Странник. Октябрь. 1865. С. 1–32.
15. Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2005.
16. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
17. Костромин К., прот. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2016.
18. Кузьмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М.: Молодая гвардия, 1988.
19. Кузьмин А. Г. Этноним «русь» от Балтики до Меотиды // Кузьмин А. Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003.
20. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М.: Наука, 1962.
21. Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Академический проект, 2018.
22. Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. Кн. II. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1995.
23. Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978.
24. Мильков В. В. Идеальный смысл начинаний новгородского святителя // Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016.
25. Мильков В. В. Новгородский святитель Лука: характер деятельности и идейные аспекты творчества // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ, 2010.
26. Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» (славянские параллели) // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1. СПб.: Изд. дом «Мир», 2008.
27. Мурьянов М. Ф. К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова евангелия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М.: Наука, 1984.
28. Мурьянов М. Ф. О летописных статьях 1039 и 1131 г. // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч. 2. СПб.: Изд. дом «Мир», 2008.

29. Мусин А. Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ, 2010.
30. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: историко-филологические исследования. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
31. Невоструев К. И. Состав и месящеслов Мстиславова списка Евангелия // ИОРЯС. Т. 10. Вып. 2. СПб., 1861.
32. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М.: Языки славянской культуры, 2004.
33. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
34. Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.
35. Новгородские летописи // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841.
36. Патриаршая летопись // ПСРЛ. Т. 9. М.: Языки русской культуры, 2000.
37. Письменные памятники истории Древней Руси. СПб.: Блиц, 2003.
38. Подскальски Г. Христианская и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб.: Византинороссика, 1996.
39. Поппе А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианская и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб.: Византинороссика, 1996. С. 447–449.
40. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Наука, 1963.
41. Серапион Владимирский. Поучения // Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000.
42. Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.
43. Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). СПб., 1882.
44. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
45. Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М.: Издательство МГУ, 1953.
46. Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014.
47. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
48. Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
49. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописях. СПб., 1908.
50. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.: Наука, 1970.
51. Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988.
52. Янин В. Л. Новгород во времена Ярослава Мудрого и его ближайших преемников // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ, 2010.
53. Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003.
54. Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: НовГУ, 2001.